

Сплошная лебедянь!

Автор:

Екатерина Вильмонт

Сплошная лебедянь!

Екатерина Николаевна Вильмонт

Казалось бы, все в жизни Ярославы плохо – ушла от мужа, мать выгнала ее на улицу, но героиня находит в себе силы радоваться жизни. И судьба благоволит ей.

Случайная встреча, которая поначалу только пугает ее, перевернет всю ее жизнь.

Екатерина Николаевна Вильмонт

Сплошная лебедянь!

© Вильмонт Е.Н., 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Погода была отвратительная. Снег с дождем, слякоть, ледяной ветер. И пробки, пробки, будь они прокляты! Хотелось скорее попасть домой, но пробка на Садовом кольце казалась безнадежной. Тут, у Курского вокзала, пробки всегда

какие-то безнадежные. И чего я поехал на машине? Не развалился бы и в метро спуститься. Нет, все-таки, наверное, развалился бы, сам себе со смехом сказал Иван Алексеевич. Страшно хотелось есть. Сегодня из-за совещания с партнерами не удалось пообедать. От этого настроение было еще хуже. Что за жизнь у меня дурацкая? Скоро полтинник, а я один как перст. Дома никто не ждет. То, что всегда казалось ему большой удачей, выигрышем в жизни, вдруг стало тяготить. Он включил радио. Новости одна кошмарнее другой... Опять террористы где-то что-то взорвали... Опять... Не хочу! Он поменял станцию. «Почему да отчего на глазах слезинки, это просто ничего, по любви поминки...» – пел прелестный женский голос с сильным акцентом. Дина Дурбин! Он вдруг обрадовался. Как хорошо! У него была большая коллекция дисков со старыми фильмами. Он обожал Дину Дурбин. Вот доберусь до дома, согрею ужин, приготовленный домработницей Полиной Яковлевной, и посмотрю «Сестру его дворецкого»! Именно там Дина Дурбин волшебным образом поет попурри из русских песен и романсов.

– Это просто ничего, по любви поминки... – напел он.

Да нет никакой любви. У меня нет. И не было. Всю жизнь скакал по красивым белокурым девочкам. И все как-то легко, без драм и трагедий. И слава богу! В этот момент позвонила сестра. Она живет в Новосибирске.

– Ванечка, я завтра прилетаю в Москву. Сможешь встретить?

– В котором часу? – деловито осведомился он.

– По расписанию в одиннадцать тридцать, но погода...

– Ох, грехи наши тяжкие. Нет, Лиза, сам не смогу, пришлю водителя. Надеюсь, остановишься у меня?

– А я не помешаю твоим шалостям?

– Да какие там шалости, смех один! Ключи у тебя есть. Как вы там все? Я соскучился!

– Все расскажу при встрече.

– Ты в командировку?

– Конечно, но на работе предупредила, что задержусь у любимого братца. Билетики мне достань...

– А ты куда хочешь?

– Ну, что там у вас самое модное?

– Ох, боюсь, самое модное тебе не понравится.

– Над классикой издеваются? Нет, это не хочу!

– Ладно, я посоветуюсь с понимающими людьми. Ох, Лиза, я так рад, что ты приедешь! Посидим, поболтаем...

– Пельменями тебя накормлю!

– Это не обязательно, сестра. Жаль, сам не смогу встретить. График кошмарный, вздохнуть некогда.

– А как там Глеб?

– Цветет и пахнет! Хотя сейчас кризис и нам всем достается. Ладно, Лиза, мне звонят по другому телефону. Все, до встречи!

Ему действительно звонили. Выяснилось, что ведущий одной из новостных программ в пьяном виде сбил человека, его забрали в полицию, срываются все завтрашние выпуски и вообще настал конец света. И спасти канал может только Иван Алексеевич Верещагин.

– В таком случае, вызывайте Кнурова, а я отмазывать этого пьяного идиота не буду. Сбил человека – изволь отвечать, – жестко бросил в трубку Верещагин.

– Но Кнуров же неопытный, а Малеванного обожает публика. И потом у него мать при смерти... ее это убьет...

– Он насмерть сбил человека?

– Да нет же... Иван Алексеевич, – рыдала женщина в трубке, – умоляю вас, вытащите его хотя бы до суда...

– А почему вы мне звоните? Направьте туда юристов...

– Иван Алексеевич, лучше вас это никто не сделает! Поезжайте туда, а Епифанова я подошлю. Только ради его матери...

И ради тебя, старой дуры, – выругался про себя Верещагин. Все знали, что Мария Валерьяновна влюблена в Малеванного.

– О господи! За что? – проворчал Иван Алексеевич. – Ладно, в каком он отделении? Ради его матушки попробую его вытащить, но от эфира на месяц отстраняю. И лучше пришлите не Епифанова, а Зарецкую. На ментов она уж точно произведет впечатление.

– Спасибо, спасибо вам огромное, Иван Алексеевич!

– Но моя смерть от голода будет на вашей совести.

Черт бы их всех побрал! Он представил себе разговор с ментами, которых хлебом не корми, дай отыгаться на известном человеке. Впрочем, так Малеванному и надо. Обнаглел совсем, скотина...

К счастью, пробка рассосалась, но вместо того, чтобы ехать домой, он развернулся и покатил по указанному Марией Валерьяновной адресу. И хорошо, что у меня нет жены, кому какое дело, когда я вернусь сегодня домой... – вдруг обрадовался он. Но есть хотелось страшно. Он подъехал к ближайшей «Азбуке вкуса», поставил машину на аварийку, схватил в магазине упаковку пирожков с мясом и бегом вернулся в машину. Вся операция заняла от силы три минуты. Вкусно, однако, и уж точно не отравишься. Пирожки были совсем свеженькие, и как будто домашние. Умяв три пирожка, он запил их водой. Ладно, пора ехать!

...В результате домой он попал только в половине второго ночи. Сил не было вообще. Он рухнул на диван в гостиной и в который уж раз порадовался тому, что не женат. И, не раздеваясь, уснул на диване.

Конечно, утром болела голова, вид был кошмарный, времени заехать в бассейн уже не было. Черт бы побрал этого пьяного кретина! Там все оказалось не так уж страшно, человек, которого он сбил, пострадал минимально, и если бы не пьяная наглость Малеванного, все могло бы закончиться куда быстрее. Но он обхамил полицейских, с одним даже полез было в драку, и если бы не красота юриста Вали Зарецкой и не дипломатические таланты самого Ивана Алексеевича, Малеванный мог бы схлопотать себе вполне реальный срок.

Едва он сел в машину, как позвонил Глеб, старый друг и генеральный продюсер канала.

– Вань, что там за хрень с Малеванным?

– Да козел он конченный! Но ты не волнуйся, я все уладил. И отстранил его на месяц от эфира. Попробуем Васю Стрижака и если потянет, уволим Малеванного к чертям.

– Не возражаю!

– Вот и славно, Глебушка. Сегодня прилетает Лиза.

– Да? Это здорово! Может, привезешь ее к нам в субботу?

– Да с удовольствием. Она о тебе спрашивала.

– Вот и славно! А я предупрежу Наташку.

День, как всегда, был нервным, суматошным, то и дело приходилось что-то улаживать и если бы не верная секретарша Виолетта Геннадьевна, он и не вспомнил бы об обеде.

– Иван Алексеевич, уже три часа. Я, конечно, могу подать вам кофе с бутербродами, но лучше бы вам спуститься и поесть горячего. Вам нужна язва желудка?

Эта фраза действовала на него магически.

– Да, язва мне ни к чему. Ладно, спущусь.

– Идите, я вас прикрою в случае чего.

Он вдруг подумал, что второй день без горячего, это как минимум грустно. В кафе основная масса народу уже схлынула. Он заказал себе суп-пюре из шпината и телячий шницель. Его столик стоял в углу за загородкой. Это был уголок для руководства, отгороженный изящной соломенной шторкой. А отключу-ка я телефон на эти полчаса. А то ведь не дадут спокойно поесть. Официантка Ларочка быстро принесла ему суп и вазочку с гренками.

– Вот, Иван Алексеевич, как вы любите, прямо с огня!

– Спасибо, Ларочка!

– Приятного аппетита!

Суп был действительно обжигающе горячим, как он любил. Ах, хорошо... А вечером увижу Лизу... Он обожал старшую сестру, которая его вырастила. Их родители рано умерли и Лиза заменила ему мать, она была старше на семь лет. А он после школы уехал в Москву, и пустился в самостоятельную жизнь. Но поскольку голова у него всегда была на месте, к тому же он был очень способен к учению, все хватал на лету, то его легко приняли в институт стали и сплавов, где он проучился только полгода, понял, что ему скучно, и пошел на факультет журналистики. Он и туда легко поступил и там ему было весело. Там он познакомился и подружился с Глебом Кузьминым, а так как начиналась уже новая эпоха, то они вдвоем затеяли какой-то мелкий бизнес, приносивший сперва совсем ерундовые деньги, но постепенно дела пошли в гору. Они оба оказались людьми нового времени. Прогорели несколько раз, но не теряли ни куража, ни уверенности в своем светлом будущем. Потом они открыли небольшую газетку, так, никакой политики, просто информационный листок, но этот листок вдруг стал пользоваться успехом.

– Знаешь, Ванька, о чем я мечтаю? – спросил однажды Глеб.

– Знаю, брат. О телевидении. И вот что я тебе скажу! Иди!

– Куда?

– На телевидение!

– А ты?

– А я пока буду заниматься газетой. Нам же надо на что-то жить! А там посмотрим!

Они были удачливыми парнями. У Глеба на телевидении тоже все складывалось неплохо, а газета из информационного листка постепенно превращалась в солидное издание, но в один отнюдь не прекрасный день газету у них «отжали». Правда, оба уже успели обзавестись неплохими квартирами. Квартиру Ивана они сдали, он перебрался к Глебу и тоже пошел на телевидение.

– Ничего, Глебка! За двух битых целый взвод небитых дают!

И вот сегодня они совладельцы успешного телеканала «Супер». Глеб, отец двоих взрослых сыновей, не так давно женился второй раз по страстной любви. А Иван так всю жизнь и прожил холостяком. Веселым беспечным холостяком. Но оба были крутыми профессионалами, Глеб Витальевич был сильнее в вопросах финансов, а Иван Алексеевич слыл непревзойденным дипломатом. И они сумели сохранить дружбу. Оба свято верили в мужское братство. Никогда ни одна женщина не вставала между ними. Уж очень разные у них были вкусы.

Доедая суп, Иван Алексеевич вдруг услышал голоса из-за шторы. Говорили явно молодые девушки.

– А как тут насчет мужиков?

– Да полно!

– А холостые есть?

– Как не быть!

– Нет, я имею в виду кого-нибудь с положением, с бабками, а не сопливых ассистентов...

– У нас даже один из совладельцев канала холостой! И мужик кстати жутко интересный!

– Это кто же?

– Верещагин Иван Алексеевич.

– Сколько лет?

– Где-то под полтинник.

– Уууу, совсем старый! – разочарованно протянула девушка. – А помоложе нету?

– Да ты его хоть видела?

– Нет, а что?

– Классный мужик! Высокий, стройный, глаза зеленые, ресницы – умереть, не встать, нос с легкой горбинкой, волосы русые, пушистые...

– А он не голубой?

– С ума сошла!

– А чего ж никто его к рукам не прибрал?

– Да пытались... Без толку.

– Так, может, импотент?

– Да ты что! Девицы у него не переводятся. Но только на работе он ни с кем никогда не крутит.

Иван Алексеевич решил схулиганить. Он встал, подошел к девушкам и весело заявил:

– Это правда, на работе никогда ни с кем! Приятного аппетита, девочки!

И ушел. Девушки остались в полном ошалении.

– Ни фиги себе! Это он и есть?

– Ага!

– И вправду интересный... Да что ты так сбледнула? Ты ж ни одного дурного слова о нем не сказала!

– Все равно... Как-то стремно...

...А Иван Алексеевич был очень доволен. Вкусная горячая еда и весьма лестные отзывы молоденькой девушки способствовали хорошему настроению. Он позвонил сестре.

– Лизаня, ты уже водворилась?

– Нет еще, стоим в пробке. Но уже недалеко.

– В субботу мы с тобой приглашены к Глебу. Пойдешь?

– С удовольствием.

– Вот и хорошо!

– А тебя когда ждать?

– Боюсь, не раньше часов девяти. Прорва дел.

– А ты обедал?

– Да, только что поел. Спасибо за заботу, сестренка. Все, побежал на очередное совещалово!

Вечером, когда он уже надел куртку, чтобы ехать домой, зазвонил телефон. Кому я еще понадобился? На дисплее высветилось: «Дина». Это была одна из его девушек.

– Алло! – не слишком радостно откликнулся он.

– Ванечка, любимый! Я так соскучилась!

– Я польщен!

– Ты еще на меня сердишься? Ну, прости, я погорячилась, не надо сердиться.

– Мне казалось, это ты на меня сердишься.

– Да нет, я подумала, что ты был прав...

– Вот и хорошо. Извини, я сейчас спешу!

– Ваня, может, мы встретимся?

– Я не могу! Ко мне приехала сестра и я еще ее не видел.

– Да? А твоя сестра надолго?

– На неделю. Позвони мне через недельку.

Дина отличалась от его обычных дам. Как правило, он западал на молоденьких девиц, белокурых и голубоглазых. Глеб называл их «твои Сольвейг». Верещагин чрезвычайно ценил северный тип женской красоты. Дина к этому типу не принадлежала. Она была жгучей брюнеткой, к тому же не юной, ей было за тридцать. Иван сам удивлялся, почему она вдруг его зацепила. А потом пришел к выводу, что Сольвейг, видимо, ему просто приелись. К тому же Дина была неглупа, достаточно образована и вдобавок эффектна и даже экстравагантна.

А может, стоит познакомить ее с Лизой? И вообще, может, пора уже наконец жениться? Дина ко всему прочему хорошо готовит. Что-то я утомился от холостой жизни. Надо подумать. Вполне приличная пара может из нас получиться. Она явно стремится замуж... Он хотел было тут же позвонить Дине, но решил сначала поговорить с сестрой. И вообще, поспешишь – людей насмешишь... Но и особо медлить тоже не стоит. У нас и так разница в возрасте солидная... Да, Иван Алексеевич, засиделись вы в холостяках. Да не просто, а в старых холостяках. Одно несомненное достоинство у Дины есть – с ней не скучно, даже помимо постели. Решено, поговорю с Лизой и познакомлю их. А может, позвонить Глебу и попросить разрешения привести в субботу не только Лизу, но и Дину?

– Ванюшка! – воскликнула сестра, заключая его в объятия. – У тебя такой усталый вид! Ты сегодня хоть обедал?

– Обедал, обедал, не волнуйся! А ты?

– И я поела. А сейчас будем ужинать. Мой руки и приходи на кухню. Твоя Полина Яковлевна испекла дивный пирог. Хорошая женщина. Тебя обожает. Хотя ты вообще такой, все бабы тебя обожают.

– Ну так уж и все... Послушай, сестренка...

– Ты хочешь познакомить меня с какой-то твоей дамой?

– Откуда ты знаешь?

– Да я вообще всегда знаю, что ты собираешься мне сказать. И кто она? Нет, сколько ей лет?

– Тридцать четыре.

– Ваня, что с тобой? Старый стал? – засмеялась Лиза. – По-моему раньше ты даже не смотрел на девушек старше двадцати пяти?

– Да, видно старый стал... Нынешние молоденькие девушки все помешаны не на мужчинах, а на соцсетях и гаджетах, я не знаю, о чем с такими говорить...

– А как зовут твою даму?

– Дина.

– Она замужняя?

– Нет, разведенная.

– И чем занимается?

– Она переводчик-синхронист в крупной фирме.

– То есть она неплохо устроена?

– Да, вполне. Корыстного интереса тут не просматривается.

– Ты ее любишь, Ваня?

– Да нет, наверное, я как-то этого вообще не умею. Знаешь, я за всю жизнь видел только одну женщину, которую, вероятно, смог бы полюбить. Но ей на меня было наплевать с высокого дерева. Она безумно любила другого. Я видел ее всего каких-нибудь полчаса... Она была так неправдоподобно красива... Помню, я еще подумал тогда – и почему эта женщина не моя...

– А что ж ты не попытал счастья?

- А у меня не было ни единого шанса.
- Ладно, я поняла. А давно ты с этой Диной крутишь?
- Да уж почти год.
- А она тебя любит?
- Уверяет, что да.
- А детей у нее нет?
- Нет.
- Красивая?
- Эффектная.
- У тебя в телефоне есть ее фотография?
- Да нет. Зачем?
- Вань, но ведь ей, наверное, это обидно?
- Слушай, Лиза, я более чем взрослый, дико замотанный мужик, мне не до того. Еще не хватало! - уже раздраженно бросил Иван Алексеевич.
- У нее есть жилье?
- Есть. Двушка на проспекте Вернадского.
- Ну, хорошо, приводи ее, я налеплю пельменей...
- Да ну, охота была возиться! Лучше сходим в хороший кабак. Там вы будете как бы на равных. А то дома это вроде как смотрины.

– Ванька, как это у тебя получается?

– Что именно? – улыбнулся он.

– То ты как слон в посудной лавке, а то такой тонкий бываешь?

– А я, сестренка, разный, но при тебе я всегда лучше, чем без тебя. Ты на меня хорошо влияешь. Ну, хватит обо мне. Давай, рассказывай, как семья, как мой племянник, не женился еще?

– Вань, да он уж развелся!

– А второй раз не женился?

– Да нет, не хочет!

Елизавета Алексеевна была ученым-биологом, доктором наук и профессором Новосибирского университета. Ее муж и сын были программистами высочайшего класса. И несколько лет назад с подачи сына Анатолия организовали свою фирму, вполне успешную, вопреки предсказаниям Елизаветы Алексеевны. Оба были так безмерно увлечены своим делом, что собственно на семью времени у них почти не оставалось. Елизавета Алексеевна воспринимала это как должное, а вот молодая жена Анатолия мириться с таким положением вещей не захотела и ушла от мужа. А тот как будто и не заметил утраты. Елизавету Алексеевну это огорчало, она хотела внуков.

– Зачем тебе внуки? – удивлялся младший брат. – Когда тебе ими заниматься? Абсурд!

– А, может, были бы, я бы вышла на пенсию...

– Лиза, не смей меня! А как же твои гениальные студенты? Не зря же они тебя мамкой кличут! На кого ты их покинешь?

– Ну так пока у меня внуки и не намечаются. Я вообще беспокоюсь, все ли с Толиком в порядке. Даже никаких девушек вокруг...

– А ты почему знаешь?

– Виктор говорит.

– Ой, да что твой Виктор сам замечает? Просто они типичные представители современной науки.

– Много ты знаешь о современной науке! Смешно! Скажи лучше, ты мне билеты в театр добыл?

– Конечно. Вот завтра ты идешь в «Современник», послезавтра в театр Вахтангова. А в субботу мы приглашены к Глебу. И еще в воскресенье можно пойти в цирк. Говорят, у Запашных какое-то потрясающее представление...

– Ну что ж... Да, а когда же у нас смотрины?

– А что если в воскресенье мы пообедаем втроем, а потом я отвезу вас обеих в цирк?

– А сам не пойдешь?

– Нет, у меня в воскресенье вечером дела.

– Какие дела в воскресенье вечером?

– Что ты понимаешь в современном телевидении, тем более в условиях кризиса и информационной войны? – лукаво улыбнулся Иван Алексеевич.

– О да, в этом я разбираюсь вероятно еще хуже, чем ты в науке. Ну что ж... По крайней мере наедине с твоей Диной я лучше сумею в ней разобраться. А она-то согласна?

– Я ее еще не спрашивал, но, думаю, будет в восторге.

– Наглая морда! Вообще-то в твоем весьма солидном возрасте такая наглость уже непозволительна. Хотя должна признать, что смотришься ты еще шикарно!

– А вот мы сейчас проверим, позволительна ли мне такая наглость.

И он набрал номер Дины.

– Привет, подруга! Ты не хотела бы в воскресенье днем пообедать где-нибудь со мной и моей сестрой?

– С твоей сестрой? – голос у Дины дрогнул. – С чего бы это? Хотя я с удовольствием!

– Просто вот подумал, пора вас познакомить.

– Буду очень рада.

– А после обеда отправлю вас вдвоем в цирк, говорят, у Запашных какое-то грандиозное представление.

– Я с восторгом! Я тоже слышала... А сам не пойдешь?

– Увы, буду занят.

– Короче, я согласна.

– Отлично. Все, до воскресенья, я еще позвоню, уточню насчет часа. Скорее всего мы за тобой заедем.

Итак, он хочет познакомить меня с сестрой! И что сей факт означает? Жениться надумал? Наконец-то! Теперь надо во что бы то ни стало обаять эту сестру. Иван ее обожает. Ее мнение для него важно. Конечно, если б он любил меня по-настоящему, не стал бы спрашивать совета у сестры. Но все-таки вектор выбран правильно. Его сестрице уже хорошо за пятьдесят, она ученая тетка, наверняка начитанная, значит, надо блеснуть эрудицией... Чем они тогда увлекались? Хемингуэй, Ремарк? Нет, это для людей постарше... А, знаю, надо нажимать на Маркеса и еще не помешает немножко Солженицына... Ну, еще они помешаны были на поэзии. Ну, это мне вполне по силам. Ах, если все получится... У меня может быть сказочная жизнь... Верещагин очаровательный мужик, легкий,

веселый и, похоже, очень небедный. Я и сама не нищая. Но мне нужен муж, а он вполне статусный муж. Подружки обзавидуются. И надо устроить свадьбу... Только очень стильную, не больше тридцати человек, но самых-самых. И красное свадебное платье, максимально экстравагантное. И свадебное путешествие в какое-нибудь совсем не избитое место. Надо будет посоветоваться с Миленой. Тьфу, вот дура, размечталась. Рано еще. А пока надо продумать, как одеться в воскресенье. Дневной обед и цирк. Все должно быть скромно, но дорого и достойно. Ничего кричащего. А если я найду общий язык с сестрицей, надо будет позвать их к себе и закатить шикарный ужин, чтобы Елизавета Алексеевна поняла, что ее любимый братец будет всегда накормлен и не абы как...

– ...Она обрадовалась? – любопытствовала Елизавета Алексеевна.

– Кажется, да.

– Вот и хорошо.

На другой день Елизавета Алексеевна с утра отправилась по своим делам. Иван хотел ее подвезти, но у них не совпадали графики.

– Ладно, Лиза, но вечером я заберу тебя из театра.

– Вот за это спасибо!

– Договорились!

Дина понравилась Елизавете Алексеевне. Красивая, элегантная, со вкусом, явно хорошо воспитанная, может, немного жестковата, но это и хорошо. Зачем Ване мямля? Вместе они смотрятся просто шикарно. Она вполне начитанная для современной молодой женщины. Словом, похоже, то что надо. Ну и дай им Бог!

После действительно великолепного циркового представления Иван Алексеевич встречал дам.

– Я вижу мои дамы довольны?

– О да!

– Может, поужинаем где-то? – предложил он.

– Извини, Ваня, но мне завтра очень рано на работу! – отказалась Дина.

– Ну, нет так нет! Мы сейчас тебя отвезем.

– Да, Ваня, я тоже что-то притомилась от столичной жизни! Хотя впечатлений масса! Но уже хочу домой. Москва, конечно, хороша, но дома лучше.

– Вот так всегда! То рвешься в Москву, жаждешь побегать по театрам, а потом просишь прощенья!

– Ну, что делать, вот такая у тебя неправильная сестра.

– Да? А по-моему ты до ужаса правильная, – рассмеялся Иван Алексеевич. – Дина, а как тебе показалось, правильная у меня сестра или неправильная?

Дине в этом вопросе почудился подвох.

– Ну, правила у всех разные, но сестра у тебя ровно такая, как надо!

– О! – воскликнула Елизавета Алексеевна. – Я польщена!

...Когда они уже отъезжали от Дининого дома, Иван спросил:

– Ну, как она тебе?

– Вполне! Неглупая, красивая, самостоятельная. Хватит тебе, Ванька, в холостяках бегать, пора остепениться.

– Думаешь, из меня выйдет степенный супруг?

– А куда ты денешься? Возраст у тебя уже степенный...

– Скажи, а как по-твоему, Глеб, он степенный?

– Глеб отец семейства, в любой момент может стать дедом...

– Ну, тут мне за ним не угнаться, – рассмеялся Иван Алексеевич.

Когда-то в ранней молодости он перенес тяжелую болезнь, в результате врачи приговорили его к бесплодию. По юности лет он чуть ли не обрадовался этому, еще бы, гуляй не хочу. Повзрослев, он еще обследовался, но приговор не отменили. И посоветовали взять ребенка из детдома. Но жизнь на телевидении так закрутила его, что он и не думал о семье, говорил в шутку: «я женат на телевидении». Его личная жизнь была достаточно беспечна. Он умудрялся легко, без трагедий, расставаться с девушками благодаря прекрасному чувству юмора и врожденному таланту дипломата. Глеб, впечатленный его дипломатическими выкрутасами в делах канала, нередко качал головой:

– Ну, Ванька, в тебе умер Талейран! И почему ты не пошел в МГИМО?

– Радуйся, что я туда не пошел! Кто бы тебя сейчас примирил с этим козлом Гамовым?

– Как всегда прав! – хохотал Глеб. – Но как тебе удастся нащупать именно ту кнопку, на которую надо нажать?

– Интуиция!

Проводив сестру, Иван Алексеевич из аэропорта поехал домой. Выйдя из машины, поднял глаза и увидел темные окна своей квартиры. Раньше его всегда радовал вид темных окон, а сейчас вдруг отчего-то стало тоскливо. Никто не ждет... Наверное и впрямь пора жениться. И Дина вполне подходящая кандидатура. Вон, даже Лизе понравилась, а это не так-то просто. Достаточно молодая, хозяйственная, не дура, красивая, в постели с ней хорошо, а что еще

собственно нужно? Любовь? А я не знаю, что это такое. Дожил до таких лет и ни разу не любил... Наташка, жена Глеба, говорит, что любовь это своего рода талант, а я, видно, этим талантом обделен. А народная мудрость по этому поводу гласит: стерпится, слюбится. Непременно слюбится. И как приятно будет приходить домой, видеть свет в окнах, и знать, что тебя ждет жена, красивая, умная, любящая... А что если не стерпится и не слюбится? Разведемся. Ей есть куда уйти, она вполне независимая самостоятельная женщина. Хотя почему не слюбится? Вот ездили мы летом в Италию на десять дней. Все там было прекрасно. Она умеет быть тактичной, и я не помню, чтобы она меня раздражала. Чем не жена? Да, надо жениться и чем скорее, тем лучше, а то, чего доброго, выскочу в окно, как Подколесин... Или ее уведут. И он набрал номер Дины.

– Привет!

– Ваня? Привет!

– Слушай, а выходи за меня замуж.

– Что?

– Хочешь за меня замуж?

Она рассмеялась.

– Я разве спросил что-то смешное?

– Я согласна, Ванечка!

– А почему ты смеялась?

– От радости! И потом я почему-то была уверена, что если ты все же сделаешь мне предложение, то обязательно по телефону!

– Ты разочарована?

– Да ни капельки!

- Тогда, может, завтра и подадим заявление?
- Можно!
- Значит, завтра в одиннадцать я за тобой заеду...
- Хорошо!
- Вот и отлично!
- Тогда спокойной ночи, невеста!
- Спокойной, жених!

Как хорошо, что она не спросила, люблю ли я ее. Она вообще за год нашего знакомства не задала мне этого дурацкого вопроса. И не обиделась на телефонное предложение... Молодчина! То, что надо!

А Дина закружилась по квартире. Наконец-то! Но надо отпроситься на работе. Причина более чем уважительная! Она позвонила своей начальнице, с которой была в доброприятельских отношениях.

- Леночка, прости, что звоню вечером...
- Да ничего. Что-то случилось?
- Можно мне завтра взять отгул? Хотя бы на первую половину дня?
- А в чем дело?
- Завтра в одиннадцать я подаю заявление в ЗАГС.
- Да ты что? Поздравляю! И с кем?

– С Верещагиным!

– Дозрел, значит?

– Выходит, дозрел. Тут приезжала его сестра, ученая дама из Новосибирска, он нас познакомил и я, видно, ей понравилась. Он сегодня отвез ее в аэропорт, и только что позвонил и сделал предложение.

– По телефону?

– Да какая разница! Мы уже более чем взрослые люди.

– Тоже верно! Ладно, Динка, можешь завтра не приходить.

– Вот спасибо, Леночка!

– Скажи, а ты после свадьбы намерена работать?

– Господи, конечно! Я вовсе не собираюсь становиться домохозяйкой.

– А свадьба будет?

– Будет, но скромная и изысканная. Без всякой этой пошлости, без конкурсов, тамады...

– Надеюсь, я получу приглашение?

– Считай, уже получила!

– Ну что ж, Динка, поздравляю. Из вас получится здорово эффектная пара. А свадебное платье?

– Красное, максимально экстравагантное...

– Шикарно! А Верещагин в курсе?

– Нет пока. Вот подадим заявление, тогда и обсудим.

* * *

Яся, конечно, не ждала, что мать встретит ее восторженно, но чтобы так...

Открыв дверь, она замерла.

– В чем дело? Откуда ты?

– Мама, я ушла от Вилли.

– И что? Приперлась сразу ко мне?

– Мама!

– Что мама? У меня, между прочим, своя личная жизнь. А ты рвалась замуж за иностранца...

– Я не рвалась за иностранца, я просто любила его...

– А теперь разлюбила?

– Мама, может, ты вступишь меня в квартиру?

– Заходи. Сегодня можешь переночевать, а завтра будь добра найти себе жилье. На меня не рассчитывай! На что и где ты собираешься жить? Это что, все твои вещи?

Яся так устала, что только кивнула. Господи, как я могла даже подумать, что она изменилась? Я всегда ей мешала... В конце концов ей нет еще пятидесяти, выглядит она, по-моему, лучше меня... Ага, а вот и мужские тапочки стоят. Кто бы сомневался... Но все равно к горлу подступил комок.

– Если ты голодна, можешь сварить себе кашу. Я после пяти не ем и вообще у меня строгая диета!

– А мужика своего ты не кормишь?

– Это тебя вообще не касается. Хорошо, что у тебя нет детей. И все же, что ты собираешься делать?

– А вот это, мама, уже тебя не касается. Я думала, ты покапустишь меня...

– Нет. Не пущу.

– Ты вышла замуж?

– Представь себе.

– И даже не сочла нужным поставить меня в известность?

– А зачем? Тебе же до меня нет дела.

– Но я...

– Ты хочешь сказать, что имеешь право на долю в квартире?

– Не бойся, судиться с тобой я не стану. И завтра с утра уйду. Но ты превзошла даже самое себя. Я все-таки не ожидала, что ты выкинешь меня на улицу.

– Не драматизируй!

Она вышла из кухни, где Яся поставила на плиту кастрюльку с гречневой крупой. Интересно, она хотя бы даст мне кусочек масла?

Мать вернулась с конвертом в руках.

– Вот тут деньги, на первое время. Пока устроишься. Тут пятьдесят тысяч.

– Спасибо. Как только заработаю, верну.

– Можешь пока не спешить. У меня сейчас всякие процедуры, это займет полтора часа, а ты пока поешь и ложись спать. Я положила белье в маленькой комнате. Пока!

– Извини, у тебя есть кусочек масла?

– Ты ешь сливочное масло? Нет, я его не держу. Вот, есть оливковое.

– Терпеть не могу! Может, молоко есть?

– Да. Вот, возьми! Посуду потом поставь в посудомойку! Спокойной ночи.

Господи помилуй, от какого монстра я родилась? Она и раньше была жесткой, неласковой, холодной, но чтобы так зачерстветь...

Однако Яся была голодна, и с наслаждением съела большую тарелку каши с молоком. А внутри как-то застыла. И вдруг вспомнила о старой подруге, Варьке Захарчук. И тут же набрала ее номер.

– Яська! – закричала та. – Ты что, в Москве?

– В Москве!

– Вот здорово! Надолго?

– Да похоже навсегда.

– Ушла от своего Вилли?

– Ушла. Варь, скажи, ты сможешь принять меня на несколько дней?

– Да с восторгом!

– Меня матушка практически выставила на улицу.

– Да ты что? А где ты сейчас? – всполошилась Варька.

– До утра у нее. А утром...

– Слушай, закажи такси и приезжай прямо сейчас! Или у тебя денег нет? Ничего, я заплачу!

– Нет, деньги есть. И она мне сплунула пятьдесят тысяч. Ох, Варька, и вправду... Мне так тут тошно...

– Все. Собирайся и приезжай!

Мысль о том, что она скоро увидит Варьку, добрую, теплую, безмерно ее обрадовала. И она решила не заказывать такси. Выйду и поймаю, чтобы лишней минуты не провести в этой квартире. Слез не было.

Она поставила посуду в посудомойку и, не прощаясь, ушла. Такие матери тоже бывают.

– Яська! – завопила Варя, открыв дверь. – Яська, как же я рада!

Она заключила подругу в объятия, теплые, искренние... Как хорошо, хоть кто-то рад ей...

– Ты голодная?

– Нет, я поела у нее.

– Чему ты, собственно, удивляешься? Для меня твоя мать всегда была каким-то... айсбергом... от нее веяло могильным холодом. Тем самым айсбергом, о который разбился «Титаник»... Но чайку-то выпьешь? Можно было бы чего покрепче, но мне завтра на работу. Идем, покажу тебе твою комнату...

Варька жила в большой трехкомнатной квартире, оставшейся ей от родителей. А муж ее два года назад умер от инфаркта. Ему было всего тридцать восемь лет.

– Знаешь, Яська, ты живи у меня сколько хочешь. Мне же лучше... не так грустно. Давай, развесь свои вещи, переодевайся и приходи на кухню. Чай будем пить. С вишневым вареньем! Сама варила!

– Ну, рассказывай, почему вдруг решила бросить своего?

– Сама не знаю. Просто вдруг все стало тошно... Не прижилась я там по-настоящему.

– Но у тебя же нет языковых проблем?

– Языковых нет, но есть... ментальные...

– То есть?

– Знаешь, как это ни смешно, но Вилли в последнее время стал частенько попрекать меня моим русским происхождением. Так глупо... Раньше мы с ним как-то и думали и поступали одинаково. Мы понимали друг дружку...

– А может у него завелась другая?

– Может и завелась, но я ничего не замечала. Словом, что-то разладилось... И еще... Недалеко от нашего городишки обосновались мигранты... и как это ни дико, в этом он тоже обвинял меня...

– Да ты что? А ты-то тут при чем?

– Ну, они ж там многие думают, что во всем виновата Россия.

– А ты как представитель России?

– Ну да. Конечно, эти мигранты и вправду кошмарная проблема...

– Кто бы спорил, но ты уж точно не виновата, – грустно рассмеялась Варя. – Я только никогда не замечала, что твой Вилли дурак.

– Да раньше вроде не был... Но, видимо, его представление о миропорядке нарушилось, а кого в этом обвинишь? Русскую жену. Один раз он даже ударил меня. Позавчера. И вот я тут. Все. Сыта по горло Европой.

– А что думаешь делать на родине?

– Попробую найти работу. Сниму квартиру.

– Даже не думай. Живи здесь!

– Спасибо, Варька, пока проживу, но когда устроюсь... Мы ж с тобой еще молодые бабы, у нас могут завестись мужики...

– Русские? – засмеялась Варька.

– Ясен пень, только русские!

– Это не политкорректно! Надо говорить «российские».

– Поправка принимается.

– Как думаешь работу искать?

– Разошлю резюме, а как еще?

– Я поговорю в издательстве, ты же классный переводчик, три языка. Правда, за переводы платят мало, но на первых порах... А там, глядишь, что-то еще наклюнется, и, кстати, можешь давать уроки. И внутренние рецензии можешь писать...

Варя работала редактором в крупном издательстве.

– Слушай, Яська, а я что вспомнила... У нас одна девушка уходит в декрет, примерно через два месяца, и я завтра же закину удочку, может, тебя возьмут на ее место, хотя бы временно... Все-таки три языка.

– Практически четыре, я еще освоила фламандский.

– Я ни за что не ручаюсь, но что-нибудь из этого все-таки выйдет. Поговорю с людьми...

– Варька, – вдруг разревелась Яся, – как же я люблю тебя...

– И я... – тоже пустила слезу Варвара. – Слушай, а ты предупредила Вилли, что уходишь?

– Нет! Оставила ему записку, что решила освободить его территорию от русского присутствия...

– Так и написала?

– Ага!

– Молодец, Яська! Скажи-ка, а ты машину водишь?

– Машину? – удивилась Яся. – Вожу, а что?

– Понимаешь, от Славки осталась машина, стоит в гараже у друзей за городом.

– И что?

– Заберем ее и будешь ездить.

– Куда?

– А куда понадобится. Может, еще на работу вместе ездить будем. Вот было бы здорово! У нашего издательства есть своя стоянка. Я договорюсь.

– Ну не знаю, Варька. Я в Москве боюсь ездить...

– Да ерунда, поездишь дня три, освоишься.

– А какая машина-то?

– Да ничего особенного, «рено».

– Ну не знаю... Может, лучше ты ее продашь?

– Нет, продавать не хочу. Славкина машина. Но и гноить ее там тоже как-то неправильно! Вот что... Я сейчас позвоню своим друзьям и ты завтра же за ней съездишь.

– А где мы ее тут ставить будем?

– Да приткнем во дворе, – безмерно воодушевилась Варвара. Если она чего-то хотела, то всегда этого добивалась. – Будем ездить в магазины, и вообще... Алло? Милка, привет! Слушай, как ты смотришь на то, что завтра приедет моя подруга и заберет машину? Да, решилась! Нет, подруга будет ездить, она пока у меня живет... Да, та самая, из Бельгии, она оттуда слиняла. Я сейчас дам ей трубку и ты объяснишь, как тебя найти.

И на другое утро, проводив Варю, Яся отправилась на Белорусский вокзал. Она не была в Москве целых три года. За это время город здорово изменился. И в лучшую сторону. Как удачно, что у нее в первый же день нашлось достаточно важное дело. И вообще настроение было прекрасное. Я не пропаду! И я почти уверена, что Варька найдет мне работу. И она явно искренне рада моему появлению. А мать... Бог ей судья!

Подруга Мила вполне соответствовала своему имени. Встретила Ясю приветливо, усадила за стол, сварила чудный кофе, расспрашивала о Варваре, радовалась, что она сейчас будет не одна.

– Знаете, ей было тоскливо одной в этой большущей пустой квартире, а о вас она всегда говорила с такой любовью...

Слышать это было приятно.

Славкин «рено» стоял в теплом гараже, рассчитанном на три машины. И завелся мгновенно. Только бензина было мало.

– Тут недалеко колонка, всего три километра... А давайте я вам налью немножко из канистры, чтобы вы спокойно до колонки доехали!

– Вот спасибо!

– И советую все же отогнать ее на сервис. Как-никак столько времени стояла без дела, мало ли...

– Да, обязательно!

– Я вам дам адрес, там добросовестные люди работают.

– Спасибо вам огромное!

– Господи, за что? Варвара же в машинах не разбирается, откуда ж ей знать про сервис?

– Тоже верно! – радостно рассмеялась Яся.

И еще раз рассыпавшись в благодарностях, выехала из гаража.

Дорога была хорошая, ехать было приятно. Она добралась до бензозаправки, залила полный бак и позвонила Варьке.

– Привет! Можешь говорить?

– Ага!

– Я забрала машину! Еду в Москву. Твоя Мила просто прелесть!

– Да, она чудная баба! А я, кстати, уже надыбала тебе перевод!

– Да ты что!

– С фламандского! Они как услышали, до потолка подпрыгнули! Роман в десять листов, за полтора месяца осилишь?

– Ну, я не знаю... Смотря какой текст... Но если надо, значит, должна успеть, буду сидеть хоть круглые сутки!

– Только учти, за это плохо платят.

– Ничего, лиха беда начало! – ликовала Яся.

Фантастика, просто фантастика, только вчера я прилетела в Москву и у меня уже есть работа...

– Варька, я заеду за тобой!

– Класс! Не буду толкаться в метро!

– И еще я приглашаю тебя в кафе! В какое, сама выберешь!

– Может, не надо?

– Надо, Варька, надо! А завтра отгоню машину на сервис. И возьмусь за перевод! Я тебя не подведу, Варька!

– Я гляжу, ты вовсе не горюешь?

– А чего мне горевать? Мне сейчас так легко и хорошо на душе, ты и представить себе не можешь...

– Да? Значит, ты и мужика сейчас встретишь.

– Ага! Мужика и его товарища.

– Какого товарища?

– Для тебя! Без товарища я не согласна!

– Да ну, я на мужиков и смотреть не хочу.

– Захочешь!

Вечером Яся и в самом деле заехала за Варей. Та выбежала из подъезда, победно вскинув руку с небольшой яркой книжкой.

– Держи! Это ж как повезло! Они только вчера получили книжку и думали, кому бы ее отдать, а тут я... Ну, ты насчет кафе не передумала?

– Нет, конечно!

– Тогда поехали! Ох, как хорошо, не надо лезть под землю!

– Но пробки у вас тут нешуточные!

– Это да, сегодня, я смотрю, еще ничего, едем, хотя час пик... Ну, да нам всегда найдется о чем поболтать в пробке. Мне, кстати, звонила Милка. Она от тебя в полном восторге!

– Да ты что?

– И пригласила нас с тобой на Новый год!

– Уже?

– Что уже?

– Ну, до Нового года еще больше месяца.

– Ну и что? Я люблю заранее знать, что будет. А у них в Новый год хорошо! Дом большой, комнат много, баня сказочная, семья чудесная... Милкин муж сын космонавта, очень крупная шишка в космической науке, точнее не знаю, но клевейший мужик, свекор со свекровью потрясная пара, обожают друг друга, и все такие дружные, как не в наше время...

– А дети у Милы есть?

– Есть. Двойняшки. Петька и Витька. Рыжие. Смешные до ужаса.

– Сколько им?

– Шесть.

– А Мила не работает?

– Нет. Она занимается детьми и домом. И гости у них всегда такие славные. И елку во дворе наряжают. Я после Славкиной смерти у них на Новый год не была. А как мне Николай помог, когда Славка умер. Знаешь, я иногда насмотрюсь на наших авторов, на начальство, и складывается впечатление, что кругом одни уроды. А съезжу к Милке, и легче становится.

– Ну, мне с моей матерью вообще кажется...

– Да наплюй ты! Она всегда была такой. Погоди, она еще позвонит, попытается как-то оправдать свой поступок.

– Она? Да ни в жисть! Ох, Варька, я все-таки непроходимая дура...

– А в чем?

– Почему я, собравшись в Москву, не позвонила тебе, а поперлась к матери?

– А это на уровне инстинкта – мне плохо, надо к маме...

– Но я уже взрослая баба, какая мама? Дура я, непроходимая дура!

– Да брось! Все же прекрасно! Я тебе рада без ума, у меня даже настроение сегодня с утра другое было... Не вдовье, что ли... Вот, давай сверни налево, там клевая кафешка и стоянка есть.

Едва они заказали ужин, у Яси зазвонил телефон. Номер был какой-то непонятный.

– Алло! Что все это значит? – узнала она голос мужа.

– Что именно?

– Ты где вообще?

– В Москве.

– И надолго?

– Да навсегда! Я ушла от тебя, Вилли!

– Что за бред!

– Это не бред, а вполне осознанный поступок! Мне не нравится, когда на меня поднимают руку...

– Прости, это было в первый и последний раз.

– Конечно в последний. Я не вернусь.

– Да? И на что ты будешь жить?

– А я уже нашла работу. И, кроме того, тебя это уже не должно волновать.

Они говорили по-французски, и Варя только таращила глаза. Наконец, он отвязался.

– Твой звонил? Прощения просил?

– Просил, но как-то неубедительно, формально. Знаешь, я услышала его голос и ничто во мне не дрогнуло. Все! С этим браком покончено!

Ей давно не было так хорошо! Вот уже три недели она жила у Вари. И с удовольствием многое делала по дому – убирала и готовила, несмотря на Варькины вопли. В магазины они ездили вместе. И еще Яся работала. С утра до вечера. И ей было уютно жить. Впервые за последние полтора года. По вечерам за ужином подруги болтали обо всем на свете. Как-то Яся спросила:

– Варь, скажи, а зачем издавать такой роман? Это дико скучно, претенциозно и вообще, на мой взгляд, гадость.

– А сейчас на такое спрос! В Европе это бестселлер! А мне сдается, что у нас... Помнишь, кто-то сказал: все жанры хороши, кроме скучного. А у нашей так называемой элиты все наоборот, все жанры плохи, кроме скучного! Хотя издательство у нас большое, есть разные направления... Но ты особо не умничай, переводи, что дают.

– Но тебе-то я могу сказать?

– Мне, конечно, можешь! А как, кстати, у тебя продвигается дело?

– Да текст нетрудный, я уже больше половины сделала, к сроку управлюсь.

– А что это у тебя в сотейнике?

– Баранье рагу.

– Да ты что! Это должно быть вкусно... Ой, а запах какой! Ты вообще готовишь гениально! Ой, мама, сроду ничего вкуснее не ела! Ох, боюсь, я на таких харчах разжирею на фиг!

– Не разжиреешь, у тебя конституция хорошая.

– Яська, у меня благодаря тебе настолько меньше денег уходит... Я покупала все готовое, мне лень было для себя стряпать. И живот не болит больше. Как здорово, что ты приехала, Яська!

– И мне, Варька, давно не было так хорошо и спокойно.

* * *

Иван Алексеевич познакомил Дину со своими самыми близкими друзьями Глебом Кузьминым и его женой Наташей Завьяловой. Они встретились вечером в хорошем ресторане. Дина была очень красива и весела в этот вечер. Разговор получился оживленный, было уютно и непринужденно. Дине кто-то позвонил и она, извинившись, вышла из-за стола.

– Да, Ванька, – заметил Глеб, – хороша, ничего не скажешь! Женись и не раздумывай! После всех твоих бесчисленных Сольвейг совсем другой коленкор! Она у тебя уже живет?

– Пока нет. Я-то не против, но Дина говорит, что переберется ко мне только после свадьбы.

Наташа иронически вскинула бровь, но промолчала, а мужчины не заметили.

– Кстати, Дина великолепно готовит... – зачем-то произнес Иван Алексеевич. И вдруг почувствовал себя дураком. А почему... Пойди, пойми.

Дина вернулась за стол.

– Извините, это по работе. Наташа, я большая ваша поклонница, записываю ваши передачи и на досуге смотрю. Это всегда интересно и абсолютно небанально. И еще – у вас всегда такие красивые платья... – с милой улыбкой добавила Дина.

– Спасибо, – улыбнулась в ответ Наташа. – Но платья эти поставляет фирма...

– Я понимаю, но они всегда вам к лицу.

– О, – вклинился в разговор Глеб Витальевич, – если б вы знали, Диночка, сколько времени и нервов стоят Наташе эти примерки! Поначалу вообще был ужас, но потом она победила фирмачей и они уже стали ориентироваться на ее вкус. Да, кстати, ребята, вы на Новый год никуда не смыливаете?

– Нет.

– Тогда я приглашаю вас на Новый год и новоселье одновременно.

– Какое новоселье? – искренне изумился Верещагин.

– А мы купили дачу!

– Что ж ты молчал?

– Да всем в основном Наташка занималась, – счастливо смеялся Глеб Витальевич.

– И что за дача?

– Старый дом в генеральском поселке. Большущий, деревянный, такая прелесть... – воодушевилась Наташа. – Два этажа, все в прекрасном состоянии, я только косметический ремонт сделала и сантехнику поменяла, а так все по-старому. Очень уютно!

– Ну, вы тихушники! И что же вам дарить на новоселье?

– Паровую швабру! – сразу ответила Наташа.

– Господи, а что это такое? – вытаращил глаза Иван Алексеевич.

– Я знаю! – заявила Дина. – Очень удобная штука! У моей подруги есть, она не нарадуется.

– С ума сойти! – в один голос воскликнули мужчины.

– Ваня, я возьму это на себя, – вызвалась Дина.

– О, это здорово, а то я в таких вещах не разбираюсь, – обрадовался Иван Алексеевич.

– ...Наташ, ну как она тебе? – спросил уже по дороге домой Глеб Витальевич.

– Честно? Не понравилась.

– Почему? – поразился Кузьмин.

– Она его не любит. Да и он ее тоже.

– А он вообще... На моей памяти никого никогда не любил по-настоящему.

– Да, такое случается, но если бы она его любила, все могло бы сладиться, и он к ней привязался бы, тоже ведь уже далеко не мальчик, живет бобылем... Но это не тот случай.

– А с чего ты взяла, что она его не любит? Мне так не показалось. Она так на него смотрит...

– Как на свое весьма благополучное будущее, и не более того, – сухо ответила Наташа.

– Наташка, ты ведь любишь Ваньку?

– Очень. Он чудесный человек.

– Вот! Ты просто подсознательно ревнуешь.

– Глеб, что за чушь! Я люблю Ивана как друга!

– А я и имел в виду дружескую ревность.

– Ладно, поживем – увидим. Вот приедут к нам на Новый год, тогда и поглядим. Как она с ребятами будет общаться. Леня очень тонко чувствует людей, и обожает Ивана.

– Да, а Аська будет с нами?

– Нет, Артур ее увозит в Австрию на лыжах кататься.

– Жаль.

– Мне тоже жаль, но я не могу ее не пустить. И она жаждет провести каникулы с папой. Он хороший отец.

– Да, и человек оказался приличный. Боже, как я его ненавидел, пока ты была его женой...

– Но я уже два года твоя жена.

– И я счастлив.

* * *

– Скажи, Яська, – как-то вечером спросила Варвара, – а почему у тебя нет детей?

– А у тебя? – ответила Яся вопросом на вопрос.

– А мы собирались. Славка говорил: вот встанем на ноги... Встали. И тут у него инфаркт... Ну, а у тебя?

– Понимаешь, мне нельзя.

– Почему?

– Потому что я урод!

– Что?

– Я выросла в ненормальной семье, я не знаю ничего про материнскую любовь... Я боюсь, что не смогу дать ребенку то, что ему необходимо...

– Что за бред! – закричала Варька. – Ты именно что была бы прекрасной матерью, все время помнила бы, как нельзя... А Вилли твой тоже не хотел детей?

– Я не знаю. Поначалу, когда мы только поженились, он много говорил о детях, о том, что сперва проживем еще для себя, а потом обязательно...

– А ты ему о своих идиотских сомнениях говорила?

– Пыталась, но он как-то отмахнулся, сказал, что это влияние русской литературы...

– Понятно.

– Вообще, если он был чем-то недоволен, во всем было виновато мое происхождение. А уж в последнее время особенно... Да ну, не хочу я о нем говорить.

– Но ты все-таки любила его?

– Не знаю. Мне казалось, что любила, но, возможно, просто хотела уехать подальше от матери... И вот, скажи, Варь, какого черта я к ней поперлась? Забыла, что нужна ей, как прошлогодний снег...

– Да ладно, наплюй! Сейчас у тебя все хорошо! А вообще, мы с тобой неправильно живем!

– То есть?

– Мы ж еще молодые, нам нужна любовь...

– А где ж ее взять?

– Искать надо!

– А где ее искать? Чай, не грибы. Вот у вас в издательстве есть мужики?

– До фига!

– Ну и?

– Нет, это не то. Знаешь, мы издаем одну писательницу, она сама уже старая, но всегда внушает нам, что свою судьбу можно встретить за любым углом, но к этой встрече надо быть готовыми.

– Это как?

– Ну, всегда быть в тонусе, не распускаться, выглядеть на все сто...

– Варька, ты это к чему?

– А давай запишемся в салон красоты? Приведем себя в божеский вид. Маникюрчик, то, се... Тем более у Милки наверняка будут всякие интересные гости.

– Мне нравится ход твоих мыслей, хватит уже вдоветь!

– Знаешь, я вспомнила, в прошлом году мы ездили в Лондон на книжную выставку. Нас там было довольно много, ну, естественно, мы постарались хорошо выглядеть, и вдруг к одной нашей девушке подошла англичанка, работавшая на выставке, и говорит:

– Ведь у вас в России, кажется, кризис?

– Да, и что?

– «А я вот смотрю, у вас все девушки такие ухоженные, причесанные, с хорошим маникюром...» По их представлениям, мы, очевидно, должны ходить грязные, нечесанные, вонючие? Скажи, ты вот жила в Европе?

– Да эта тетка просто дура, вот и все!

– Может быть... Ну что, записываемся в салон?

– Валяй! Будем красивые и неотразимые!

– И надо еще сшить новые платья! – воодушевилась Яся. – Ты же гениально шьешь!

– Да я уж и забыла, когда последний раз шила...

– А ты вспомни!

– И ты поедешь на Новый год в моем платье?

– А почему нет?

– Яська! Тащи стремянку!

– Зачем?

– На антресолях стоит еще мамин чемодан с отрезами.

Варькина мать была известной в Москве портнихой.

Чемодан оказался битком набит аккуратно завернутыми в пергаментную бумагу кусками тканей.

– С ума сойти, сколько! – ахнула Яся.

– Маме эти ткани привозила ее сестра, моя тетя Саша. Ее муж был дипломатом. К сожалению, они погибли в автокатастрофе под Парижем. А мама тряслась над этими отрезами и только самым любимым клиенткам их продавала. С ума сойти, даже панбархат...

– А что такое панбархат?

– Вот, видишь, на шифоне бархатные цветы или узоры...

– Ну, выглядит достаточно старомодно.

– Тем лучше, сойдет за винтаж! Вот, глянь, зеленый, тебе пойдет...

– Нет, я буду себя чувствовать душой. Такие штуки надо уметь носить, а я не умею. Мне вот этот кусок нравится... Это что?

– Креп. Да, кстати, панбархат шить сложно, а гладить... Ну его к бесу. Пусть лежит, пока не войдет опять в моду.

Они долго и со страстью выбирали ткань, наконец остановились. Яся на бежевом крепе, а Варька на фиолетовом тяжелом шелке, потом они рылись в Интернете в поисках фасонов и выкроек...

– Как думаешь, будем шить длинные?

– Мне – нет, а ты как хочешь! Зачем шить платье на один раз? – горячилась Яся.

– Ну, подкоротить-то всегда можно!

– А зачем зря ткань переводить?

– Ишь, какая ты разумная, – хохотала Варька.

– Эх, Варвара, тебе бы не редактором быть, а кутюрье.

– На кутюрье не потянула бы. И потом мама жаждала видеть меня филологом. И, кстати, я хороший редактор. Но я считаю, что бежевый креп это скучновато. Цвет, безусловно, благородный, но к Новому году как-то блекло...

– Думаешь?

– Думаю. Конечно, можно сделать цветной пояс или...

– Варь, а у тебя нет каких-нибудь обрезков?

– Обрезков? Зачем?

– Есть у меня одна идея...

– Вообще-то точно... У мамы был мешок с обрезками...

Она опять полезла на антресоли и вытащила довольно объемистый мешок из синего атласа.

– На, держи! Что ты будешь с этим делать?

– Я одно время ходила на курсы, училась делать цветы, у меня получалось...

– Цветы? Это сейчас здорово модно!

– Варь, я заберу этот мешок, покумекаю.

– Да бери. Я такой мелкой работой не могу заниматься, мне размах нужен.

А у Яси вдруг зачесались руки. Она вытряхнула из мешка лоскутки. Чего там только не было! И шелк и кружева и бархат...

– Варь, в Москве есть магазины рукоделия?

– Конечно! Между прочим, на соседней улице. А что тебе там надо?

– Да многое! Завтра смотаюсь!

Утром Яся отвезла Варю на работу и помчалась в магазин рукоделия. За ночь она придумала два цветка, себе и Варьке. Это не были какие-то определенные цветы, розы или орхидеи. Эта была фантазия на цветочную тему. Себе она сделала композицию из дивного темно-коричневого бархата с листочком коричневого же атласа и кремовым кружевом, а Варьке маленький сиреневый с

зеленым цветочек, очень скромный и изящный. И если Ясин цветок был призван стать главным в ее наряде, то Варькин лишь слегка оттенял роскошный цвет ее платья. Яся так воодушевилась, что еле дождалась возвращения подруги.

– Варька, ты очень голодная?

– Да нет вроде, а что?

– Жажду показать тебе свои цветы!

– Валяй!

– Вот, это на мое платье, а это на твое.

– И ты сама это сделала?

– А то кто же!

– Офигеть! Практически профессиональная работа! Блеск! И с каким вкусом! Слушай, а ведь там в мамином чемодане есть кусок точно такого бархата. Давай, сейчас примерку сделаем, раздевайся!

Яся надела скроенное платье, Варя приколола к нему цветок.

– Понимаешь, Яська, тут необходим пояс, иначе цветок очень нагло выглядит, а если сделать узкий поясок, все будет в меру.

– А, пожалуй, ты права! Но жалко кромсать кусок...

– Да чепуха, отрежем всего ничего! И потом тут все равно на платье не хватило бы, разве что на жакет. Слушай, туалет будет сногшибательный. Только не вздумай никому там сказать, что мы это сами сварганили.

– Ерунда, не те люди, как я понимаю, чтобы думали о брендах.

– А вообще-то ты права!

Затем Варя примерила свое платье и Ясин маленький цветок как нельзя лучше оттенял его.

– Супер! Слушай, Яська, а мы с тобой могли бы этим подрабатывать.

– Знаешь, я пыталась. Выкладывала в Интернет, но как-то не пошло...

– Ладно, поживем-увидим! Вот если тебя не возьмут к нам в штат, будешь делать цветы на заказ. Короче, мы не пропадем в любом случае, две молодые бабы с руками и с мозгами не пропадут, это однозначно!

* * *

Новый год неумолимо приближался. На канале в это время всегда все сходят с ума. Кроют и перекраивают сетку на долгие праздничные дни. По другим каналам просто гоняют старые и очень старые фильмы, но на сей раз «Супер» специально к этому времени подготовил несколько «убойных» музыкальных программ, четыре новеньких мини-сериала и две новые игры. «В Новом году у нас все новое!» – заранее оповещали они своих зрителей. Хотя по этому поводу было сломано немало копий.

– Да это же верный провал! Кто это станет смотреть! Люди в эти дни просто пьют, жрут, дрыхнут, до них вообще ничего не доходит!

– А мы проведем эксперимент. Для непьющей части населения. – горячился Кузьмин. – Нельзя всегда рассчитывать только на быдло.

– Глеб Витальевич прав! – поддержал его Верещагин. – Кто в основном смотрит старые фильмы? Женщины, и по большей части пожилые. Почему мы считаем, что им не хочется посмотреть что-то новенькое, свежее? Приятную мелодраму, хороший детективчик? Конечно, пускать в это время масштабный боевик, допустим, не имеет смысла. А вот, например, «Статус мужа», по-моему, то, что надо!

– Доигрывание покажет, – пожал плечами кто-то.

– Разумеется! – согласился Кузьмин. – Но я же говорю – эксперимент! Если он провалится, значит, в следующий раз будем гонять «Карнавальную ночь» и «Чародеев»!

– Глеб Витальевич, но такие эксперименты в условиях кризиса...

– Вот именно в условиях кризиса! Старье не отвлечет зрителя от тревожных мыслей, а новинка может захватить... К тому же, если мне не изменяет память, и «Чародеи» и «Ирония судьбы» были показаны впервые именно в Новый год! И вообще, риск благородное дело!

Короче говоря, решение было принято.

– ...Слушай, Дина, перебирайся-ка ты ко мне, а то перед Новым годом по Москве вообще не проедешь... А я уж как-то привык с тобой общаться, так сказать, на постоянной основе. Ну глупо же, мы ж не дети.

– Может, ты и прав!

– Ты собери все, что тебе нужно, а я за тобой приеду ночью, чтобы быстрее добраться.

– Ну хорошо, если ты настаиваешь...

Дина ликовала. Он сам настоял, я его не подталкивала, видит Бог! А жить в такой шикарной квартире да с таким шикарным мужиком это мечта!

Иван приехал за ней в половине второго ночи.

– Ну вот, располагайся. Я тут освободил для тебя этот шкаф и в стенном в прихожей тоже полно места. Словом, осваивайся, а потом все перестроишь по своему желанию. У меня только два условия.

– Внимательно слушаю!

– Ничего не трогать в кабинете. У меня на столе все навалено, но не вздумай там наводить порядок. Я в своем беспорядке прекрасно ориентируюсь.

– Принимается! А второе условие?

– Постарайся найти общий язык с Полиной Яковлевной. Она чудесная женщина и мне не хотелось бы ее терять.

– Да ради бога! Я тоже работаю, поэтому почти не буду с ней соприкасаться. Но если я когда-нибудь захочу что-то приготовить, она не обидится?

– Да нет, конечно! Она очень рада, что я женюсь, и вообще, у нее золотой характер. Вот такие мои, по-моему, несложные условия?

– Да, условия весьма скромные, – засмеялась Дина.

– А у тебя есть условия?

– Да пока нет. Какие условия на чужой территории? Ох, Ванечка, я так счастлива! А ты?

– Да, пожалуй, тоже, – улыбнулся он.

Ну вот, я и женатый человек, сказал себе Иван, следующим вечером подъезжая к дому. Окна его квартиры были освещены. А ведь это приятно... Меня встретит красивая женщина, покормит ужином... Странно, я, кажется, совершенно в нее не влюблен... И что это значит? Он прекрасно знал все признаки влюбленности у себя. Их не было. Но я же рад тому, что там Дина? Рад! Может, это не влюбленность, а любовь? Хотя... Как колбасило Глеба от одного только упоминания о Наташке. Но я другой! А может я просто устал? Да, скорее всего...

Дина встретила его, сияющая, красивая, в каком-то причудливом наряде спокойного зеленого цвета с мягким лиловым рисунком.

– Какая ты нарядная!

– Это просто домашнее платье.

– О! Я оценил. Покормишь? Я сегодня не обедал.

– Идем!

Стол в просторной кухне был изящно сервирован, даже стояли цветы в маленькой вазочке. Приятно, черт побери!

– Ужин приготовила Полина Яковлевна. Она и впрямь очень славная тетка.

– Отлично! Знаешь, я пойду сперва переоденусь.

– Хорошо, а я пока все разогрею. Ты же любишь с пылу с жару.

– О да! А суп есть?

– Есть! Протертый.

– Хорошо!

Он пошел переодеваться. Молодец Динка! Помнит, что и как я люблю, и смотреть на нее приятно... Но почему же нет трепыхания? Или я уже оттрепыхался? Выдохся? Скорее всего. А тем более перед Новым годом, когда на канале все просто на ушах стоят, а тут еще Глеб со своими экспериментами...

– Ванечка, я купила паровую швабру!

– Да ты что! Умница! И сколько я тебе должен?

– Ваня, я обижусь, мы же вроде как муж и жена.

– Да, ты права, прости, я просто еще не привык. Вот, я пока буду класть деньги в верхний ящик стола, а потом сделаю тебе карточку.

– Спасибо, но я ведь тоже зарабатываю.

– Разумеется, но пусть это будут твои деньги, тратить их на себя или на что захочешь.

Этот разговор почему-то был ему неприятен, хотя Дина не сказала ни одного неверного слова. В чем же дело? Вероятно в том, что он никогда прежде не вел подобных разговоров. А дальше все было очень мило. Вкусный ужин вдвоем. Обсуждение предстоящих праздников.

– А скажи мне, Ванечка, как мне одеться на Новый год?

– То есть?

– Ну, я же не знаю, как у них принято. Нужно вечернее платье?

– Да боже упаси! Новый год на даче...

– Дачи бывают разные.

– Ну, в принципе, если ты хочешь надеть вечернее, надевай. Но я лично поеду в свитере. Думаю, Наташка тоже вряд ли будет в вечернем. Это же сугубо семейный праздник на новой старой даче.

– Я поняла. Ванечка, а мы у себя елку поставим?

– Елку? А что, роскошная идея! У меня сроду в доме елки не было! Ух, хорошо! Только чур, живую, чтобы пахла! Я пошлю водителя, он купит наверняка хорошую, у него самого трое детишек и он каждый год им елку покупает. Я видел, он в этом понимает. Но у меня нет никаких игрушек.

– О, это я возьму на себя, – обрадовалась Дина. – А что тебе положить под елку?

Он непонимающе взглянул на нее.

– Ну, под елку принято класть подарки.

– А, понял. Да не знаю... В таком случае, что тебе положить под елку?

– Ну, ты сам реши, – лукаво улыбнулась она.

– Ладно, решу.

На другой день на студии он столкнулся с Наташей.

– Привет! Как дела? Как Дина?

– Уже перебралась ко мне. Я рад.

– Рад? И слава богу!

– Наташ, один вопрос.

– Валяй!

– Посоветуй, что мне подарить Дине на Новый год?

– Что-нибудь дорогое и статусное.

– Статусное? Это что? – перепугался он.

– Мех, украшение...

– Да? А как определить... статусное оно или нет?

– Господи, Вань, ты как с луны...

– Наташ, помоги!

– Вань, советую купить украшение какой-нибудь известной фирмы. Картье, например, или Тиффани... Или Булгари... Да мало ли. С кем ты советовался, когда покупал мне брильянтовый бантик? Он был чудесный.

– А статусный?

– Ой, Ванька, умора!

– Ну, я когда его покупал, не думал, статусный он или нет.

– Ладно, забудь про статусность. Купи просто что-то красивое.

– Она тебе не понравилась? – вдруг спросил Верещагин.

– Да почему?

– Что ж я тебя не знаю? Но ты ошибаешься, она классная...

– Ванька, я страшно за тебя рада. И вот еще что. Когда поедешь в магазин выбирать подарок, присылай мне фотки, а я скажу, то это или не то.

– Наташ, умоляю, выбери часок, съезди со мной, ей-богу, это меньше времени и нервов займет, чем я буду слать тебе картинки.

– Прав! Ладно. Сегодня у меня съежков нет, давай в обед сходим в наш торговый центр, и заодно перекусим. По крайней мере по пробкам не будем маяться.

– Наташка, я тебя обожаю! Ты настоящий друг.

– А ты думал!

* * *

Тридцать первого слегка подморозило и выпал снег.

– Ой, Яська, смотри! Погода как по заказу!

– Да, красотища!

Яся пекла пирожки с капустой и с мясом. Варька помогала их лепить и смазывать яйцом. Большую часть решили взять с собой, а немножко оставить себе. А еще Яся наделала разных цветов из Варькиных лоскутков в подарок всем женщинам. Получилось очень красиво. Покупать что-то попросту не было денег. А так подарки будут совместные. От них обеих. Яся еще упаковала цветы в аккуратные коробочки и завернула в красивую бумагу. Этому она научилась, когда работала полгода в магазине сувениров.

– Варь, как думаешь, мы дома оденемся, или возьмем наряды с собой?

– С собой! Там наверняка еще придется помогать по хозяйству.

– Поняла!

Платья в чехлах положили на заднее сиденье, чтобы не помялись. Настроение у обеих было просто роскошное. Они собирались выехать в шесть часов. Варька уже одетая, в шубе, проверяла, все ли электроприборы выключены, а Яся натягивала сапоги, как вдруг зазвонил ее телефон. Номер был совершенно незнакомый.

– Алло!

– Ярослава? – узнала она голос матери. Настроение сразу упало до нуля.

– Да. Я слушаю.

– Ты где?

– А в чем дело?

– Мне оборвал телефон твой муж.

– Почему тебе?

– Просит повлиять на тебя.

– Будь добра, передай ему, что ты на меня влияния не имеешь! С наступающим!

– Как ты смеешь мне хамить?

– Ты дала мне это право, выгнав меня на улицу. Матери так не поступают, а значит ты мне не мать.

И Яся отключила телефон. Ее трясло.

– Ну, Яська, ты даешь! Круто!

– Не могу! Я не могу слышать ее голос! Она явно собиралась еще прочесть мне нотацию...

– А чего она звонила-то?

– Вилли ей пожаловался. Господи, зачем я им? Они же меня не любят. И я их тоже.

– Слушай, Яська, а может... Может, она хотела перед Новым годом наоборот примириться с тобой, прощения попросить?

– Ага, щас! Слышала бы ты ее интонацию.

– Так может ей просто трудно было... Ну-ка перескажи дословно, что она сказала.

– Изволь.

Яся передала ей начало разговора.

– Да, на покаяние как-то не похоже. Ты расстроилась?

– Почему-то да... А впрочем, бог с ней! Поехали!

* * *

– Дина, какие у вас красивые серьги! – заметила Наташа.

– Это Ванечка мне подарил.

– О! У него отличный вкус!

Иван с трудом сдержал смех. Серьги выбрала Наташа.

За столом их было шестеро. Глеб с Наташей, два его сына, Юра и Леня, и Иван с Диной. Иван радовался, что народу немного и будет спокойно. Так и оказалось. Вкусно, уютно, весело. А Дина была разочарована. Чтобы у продюсеров телеканала не было в гостях каких-то знаменитостей, это же нонсенс. И ей ужасно не нравилась Наташа. Тоже мне, строит из себя простушку... И хотя явно не демонстрирует свою неприязнь, но я-то чувствую. Вот сука! Но я должна делать вид, что я в восторге. Ничего, я умею делать вид... Но в следующий раз я Новый год буду встречать по-другому. Ванька он простой... Я сумею с ним сладить, он еще с восторгом будет плясать под мою дудку.

И она с завидным рвением помогала Наташе по хозяйству, хотя в этом не было особой нужды, так как Юра и Леня тоже не сидели сложа руки.

Проводили Старый год, встретили Новый. Потом оделись и побежали на двор, поплясали возле елки, поиграли в снежки и около четырех стали разбредаться по комнатам. Иван был явно очень доволен. Дина легла и почти мгновенно уснула, она выпила много шампанского, настоящего Абрау-Дюрсо. А Ивану вдруг стало жарко. Он осторожно вышел на площадку и открыл дверь на балкон. Было свежо и прекрасно. Он вдохнул легкий морозный воздух... И вдруг увидел сверху, как на соседнем участке откуда-то, видимо из бани, выскочило несколько абсолютно голых женщин. Они кричали, купались в снегу, обтирались снегом... Его взгляд приковала одна... Рубенс! – подумал он. В ярком свете фонарей было видно, что у нее довольно длинные волосы, скорее всего рыжеватые... Он смотрел как замороженный.

– Ой, девочки, кто-то смотрит! – крикнула одна. Все завизжали и бросились прочь, а рубенсовская задержалась, помахала ему рукой и тоже скрылась.

Ивану показалось, что он сейчас сойдет с ума. Что именно эта женщина нужна ему, а ведь он даже не разглядел ее лица. Идиот, сказал он себе. Пьяный идиот. Он вернулся в комнату, где спала Дина. Практически его жена. Не сходи с ума, Ваня, сказал он себе, мало ли что спьяну померещится. А оденется эта баба, и ничего хорошего в ней не будет. Да, скорее всего! А Дина... она вполне хороша, хоть это и не Рубенс, а скорее... Модильяни.

На завтрак все собрались за столом около двенадцати. Иван вдруг спросил:

– Глеб, а кто ваши соседи?

– Слева я пока не знаю, а справа космонавт, фамилию не помню, но здесь постоянно живет семья его сына, он какой-то ученый. Я пока знаком только с его женой, муж приезжает поздно, детей возят в школу в Москву. Вполне славная женщина. Подробнее пока не знаю.

– Папа, а давай сходим к ним по-соседски, познакомимся, а? – предложил вдруг Леня.

– А что, отличная мысль! – обрадовался Кузьмин. – В Новый год это милое дело! Наташ, как ты смотришь?

– Хорошо смотрю! – улыбнулась Наташа. – У нас остался нетронутый торт.

– Что, все пойдем? – вмешался Иван.

– А почему бы и нет? Нас не так уж много!

– Нет, так не годится. Мало ли что там... Пусть пойдут папа и Наташа! – заметил Юра.

– Пожалуй, Юра прав, – кивнула Наташа. – Глеб, идем и позовем их к нам на печеную картошку!

– А если они противные? – предположила Дина.

– Да почему противные? Я уверен, что очень даже славные люди!

Глеб с Наташей ушли. Буквально через десять минут у Ивана зазвонил телефон. Глеб.

– Вань, бери всех и валите сюда! – очень веселым голосом закричал он. – Нас всех приглашают!

Иван обрадовался.

– Нас всех зовут к соседям! Пошли!

На соседнем участке возились в снегу дети, а на крыльце стояла женщина в накинутой на плечи дубленке.

– Гости дорогие, милости просим! – радушно улыбалась она. – Давайте знакомиться! Я Людмила!

– А я Иван! А это Дина, Юра и Леонид! Сыновья Глеба Витальича.

Почему он не сказал, что я его жена? – оскорбилась Дина, но промолчала.

В огромной комнате было полно народу. Все сидели за длинным столом.

– Вот, господа, прошу любить и жаловать! Это Иван Верещагин, мой старый друг и сопродюсер, а это его жена Дина. А эти парни мои сыновья...

Хозяин дома, мужчина лет пятидесяти с хорошим интеллигентным лицом, радостно приветствовал вновь прибывших и представил свою семью и гостей. Иван исподтишка разглядывал дам за столом, но давешней рубенсовской женщины не обнаружил. Ну и слава богу! Все выпили за знакомство, кто-то рассказал дурацкий, но вполне смешной анекдот, словом, было хорошо и весело. И вдруг хозяин дома спросил:

– Мила, а где же Яся?

– А и вправду! Кудa она девалась?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ekaterina-vilmont/sploshnaya-lebedyan-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)